

РАЗДЕЛ «ПОЛИТОЛОГИЯ»
SECTION «POLITICAL SCIENCE»

ГРАНИ ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА
IDEOLOGICAL DISCOURSE EDGES

Серия «Политология. Религиоведение»
2011. № 1 (6). С. 11–28
Онлайн-доступ к журналу:
<http://isu.ru/izvestia>

ИЗВЕСТИЯ
Иркутского
государственного
университета

УДК 332.1

Размышления географа о «Гибели империи». Часть 1

А. Я. Якобсон

Иркутский государственный университет путей сообщения, г. Иркутск

Статья написана в форме дискуссии с Е. Т. Гайдаром и его книгой «Гибель империи». Географический анализ с использованием критериев, предложенных Гайдаром, приводит к выводу, что Советский Союз, хотя и имел некоторые черты империи, все же не был образованием, аналогичным Австрийской, Британской, Французской и другим империям. Гораздо больше общего он имел с такими полиэтничными, но едиными государствами, как Югославия и – из ныне существующих – Великобритания.

Ключевые слова: империя, Советский Союз, сепаратизм, политико-географическое образование, сравнительный анализ, метрополия, полиэтничность, эмерджентность, федерация.

Эта статья была задумана и частично написана при жизни Егора Тимуровича Гайдара – как полемика с ним. Надо сказать, что автор, во многом не приемля экономических взглядов Егора Тимуровича, лично к нему всегда относился с большим уважением, выделяя его из плеяды единомышленников – как человека интеллигентного, человека большой личной порядочности. Уже одно его отношение к памяти знаменитых дедов, понимание, что они в свое время боролись за то же самое, за что и он в свое – очень многого стоит.

Мечталось, что удастся послать эту статью Егору Тимуровичу, пожелать, что он ответит на замечания, порой довольно ехидные, но, надеюсь, всегда корректные. Не довелось.

После размышлений автор решил ничего в написанном не менять и писать дальше так, как будто ничего не изменилось. Загробной жизни, конечно, нет, но с нами остаются дела умерших, память о них, а значит, они еще долго живут среди нас, и эта жизнь куда полнокровней выдуманного рая. Будем к ним относиться как к живым.

1. Сюжет с обложки

Егор Тимурович Гайдар – имя хорошо известное. Правда, не в географической науке. Однако картоид, изображенный на суперобложке его моногра-

фии «Гибель империи» [3], можно трактовать только так: географические сюжеты в книге как минимум присутствуют, и занимают очень важное место.

А что же это за картоид? Сразу видно: это Советский Союз, но распавшийся на отдельные «островки». Современная компьютерная техника позволяет создавать такие островки достаточно легко. Приглядевшись (а кто, кроме географа, станет приглядываться?), мы замечаем, что три бывшие союзные республики отсутствуют (Молдавия, Туркмения и Таджикистан), зато почему-то присутствует Монголия. Не стоит искать в этом какую-либо тенденциозность или просто логику. Перед вами не карта и не картосхема. О географической точности никто и не думал заботиться, не это важно – важно общее впечатление. Вполне нормальный прием.

И вообще не стоило бы об этом говорить. Но, к сожалению, подобную легковесность можно проследить и в самой книге.

Обложка обещает: речь пойдет о явлении, которое В. В. Путин назвал (эта фраза в книге цитируется – [3, с. 7]) «величайшей геополитической катастрофой XX века». О том, как на месте одного государства оказалось 15. Да еще и плюс 4 непризнанных или не вполне признанных – еще совсем недавно их было 5, но будем считать, что с Чечней все определилось, хотя полной уверенности в этом нет. Не будем говорить и о других потенциальных очагах внутри России и некоторых других постсоветских государств – пока только потенциальных.

Но ведь этим дело не закончилось. Одновременно на две части распалась Чехословакия, а Югославия – сначала на 5, потом все-таки отделилась и 6-я – Черногория, есть еще и не вполне признанное Косово, а государство Босния и Герцеговина фактически состоит из двух полусамостоятельных частей, и только в Хорватии с сепаратизмом, похоже, покончено (навсегда ли?).

А ведь есть еще Кипр, и Северная Ирландия, и Квебек, и Тибет, и Страна Басков... Эти проблемы как бы отделены от постсоветских и постюгославских, уж во всяком случае, причинно-следственных связей, похоже, нет, но ведь нечто общее просматривается.

Но книга Е. Т. Гайдара – в основном о другом. Пять ее глав из 8, да отчасти и еще одна – последняя – полностью посвящены истории макроэкономической политики советского государства в застойные годы. И, прежде всего, одному аспекту этой политики: ориентации на безудержный экспорт углеводородов. Безусловно, автор – крупный специалист в этих вопросах. Он убедительно показывает, как подобная политика привела к развалу экономики и как следствие – к падению политического режима. Этот анализ откровенно задуман как «Уроки для современной России» (именно таким подзаголовком снабжена монография). Тем не менее, и это, на взгляд ученого, несомненное достоинство, об уроках, выводах читатель должен судить самостоятельно, а автор, вооруженный цифрами и фактами, с научной объективностью излагает их, позволяя эти уроки извлекать и эти выводы делать.

Однако мы уже заинтересовались «сюжетом с обложки». И у нас рождаются вопросы, о которых автор едва ли задумывался. Обязательно ли неразумная экономическая политика приводит к территориальному распаду госу-

дарства? И, между прочим (хотя это уже другой сюжет), к смене идеологической, экономической и политической парадигмы?

Да, другой сюжет. Политические потрясения на почве экономических неудач имели место в последнее десятилетие и в Аргентине, и в уже постсоциалистической Албании. Это приводило к падению правительства, но новое не было ни коммунистическим, ни теократическим, ни нацистским – политическая и экономическая система под сомнение не ставилась. А вот в результате просчетов, описываемых Е. Т. Гайдаром, рухнула именно система, и не только в СССР, но и в странах, где она была аналогичной (8 в Европе и 1 в Азии); причем это не всегда можно списать на «освобождение» от советского насилия: хотя режимы во всех этих странах были в свое время установлены под советским влиянием, к 80-м гг. некоторые из них были от этого влияния вполне независимы.

Очевидно, здесь есть своя закономерность, которая, несомненно, входит в сферу компетенции Е. Т. Гайдара, но он предпочел этот вопрос не обсуждать, ограничившись малоубедительной 2-й главой, где в обтекаемых выражениях говорится о недолговечности авторитарных режимов вообще (и ни слова о специфике ни коммунистической идеологии, ни даже плановой экономики).

Но воздержимся от рассмотрения негеографических вопросов. Возвращаемся к «сюжету с обложки». Нам известно: из 10 государств, охваченных вышеупомянутым процессом, сегодня на карте мира сохранились 6. ГДР волилась в состав ФРГ, а о судьбе трех уже говорилось. Следовательно, перспективы страны, охваченной кризисом и меняющей экономико-политическую систему, могут быть неоднозначны. Вместе с тем и территориальный распад страны не всегда связан со сменой системы: когда распалась Австро-Венгрия, все ее составные части остались капиталистическими по экономической системе, а Венгрия сохранила еще и авторитарный характер правления, да и Австрия чуть позже вернулась к нему.

Сделаем очень важный вывод, очевидный, на наш взгляд, но до сих пор игнорируемый многими нашими соотечественниками, от малоответственных журналистов до таких серьезных исследователей, как Е. Т. Гайдар. Мы пережили крах макроэкономической политики советского правительства, переоценку идеологических ценностей, демократизацию политического режима, маркетизацию экономической системы и одновременно со всем этим – политико-географические изменения, именуемые распадом Советского Союза. Все это тесно взаимосвязанные, но различные, самостоятельные процессы, каждый из которых ученому необходимо исследовать отдельно, рассматривая остальные как внешние условия данного.

Целесообразность такого исследования диктуется не только научными соображениями, но и прагматическими. Ведь речь идет об «уроках для современной России». Допустим, российское правительство прислушается к Е. Т. Гайдару и сменит линию макроэкономической политики. Но снимет ли это угрозу дальнейшего территориального распада страны? Очевидно, на этот

вопрос необходимо отвечать отдельно, и без географических подходов здесь не обойтись.

В книге Е. Т. Гайдара данному вопросу посвящены две главы – 1-я («Величие и падение империй») и частично последняя, 8-я, а также содержательно насыщенное введение и один параграф в 6-й главе («Кризис империи и национальный вопрос»). При этом последняя глава – это просто изложение предбеловежских событий, мало что добавляющее к теоретическому пониманию проблемы.

Зато очень интересен упомянутый параграф 6-й главы. Это единственное место в монографии, где делается попытка связать два сюжета между собой как два различных аспекта. Формулируется совершенно правильное утверждение: «Как это обычно бывает в авторитарных многонациональных государствах, либерализация режима, демократизация прежде всего приводят к политической мобилизации сил, готовых эксплуатировать национальные чувства» [3, с. 296].

Иными словами, в определенных условиях (фактически в условиях кризиса экономики и власти) националистические, сепаратистские силы получают реальные возможности для практического достижения своих целей. Дорогого стоит различие «сил» и «условий», признание самостоятельной роли первых. Но вот откуда берутся эти силы, что это за цели?

Прав Е. Т. Гайдар и в том, что связывает появление этих сил с определенными процессами в советской истории. Правда, здесь многое перепутано. Подчеркиваются факты репрессий против ряда народов (народы перечислены на с. 297, причем немцы названы ненцами, но уж простим опечатку). Факты известные и неоспоримые, говорить о них необходимо, но надо же отметить и то, что в развале Союза участвовали отнюдь не те народы, которые вошли в данный список (исключение – чеченцы). Но конкретность анализа уже сама по себе помогает увидеть, что, не будь некоторых событий, история могла бы пойти по-другому.

К сожалению, эти разумные мысли совершенно отсутствуют в других, более капитальных частях книги, особенно во введении и в 1-й главе. Там господствует идея, что распад империй неизбежен, а Советский Союз не мог не распасться. Подразумевается, очевидно, – что бы ни делало его правительство.

2. Постановка задачи

Переведем последнее утверждение на научный, географический язык. Утверждается, что, во-первых, существует некий класс политико-географических образований («империя»); во-вторых, что образования, принадлежащие к этому классу, рано или поздно неминуемо и бесповоротно распадаются; в-третьих, что именно к этому классу принадлежало образование, именуемое «Советский Союз».

Проэкспертируем это утверждение, вооружившись географической методологией сравнительного анализа и фактическим историко-географическим материалом. К такой экспертизе побуждают и вышеупомянутые прагматиче-

ские соображения, и другое, тоже прагматическое соображение: от правильного понимания уже произошедших и, по-видимому, необратимых (на этом Е. Т. Гайдар настаивает, и мы не находим смысла с этим спорить) процессов зависит многое в межгосударственных отношениях, и, наконец, интересы теории – политической географии нужно разобраться теоретически в феномене империи.

При этом нам придется преодолеть еще одну особенность подхода Е. Т. Гайдара. Для него едва ли не важнейший фактор имперских и постимперских процессов – субъективное «имперское мышление». Собственно, и текст книги начинается со слов «Постимперская ностальгия...». И дальше говорится о том, что и элита, и простые люди, живущие в империи и относящиеся к имперскому этносу, привыкают к этому, привыкают рассматривать свое государство как великое, привыкают считать себя представителями великой нации и т. д.

Е. Т. Гайдар говорит [3, с. 23] о таком мышлении у средневековых испанских дворян: «Кастильская элита с конца XV в. смотрит... на себя как на преемников римлян. Они – часть избранных, на которых возложена божественная миссия воссоздания мировой империи». Он даже, увлекшись, утверждает, что «вне этого контекста трудно понять, зачем испанским королям нужно было тратить столько людских и финансовых ресурсов в войнах XVI–XVII вв., пытаясь распространить свое господство в мире». Последнее, конечно, преувеличение. Едва ли есть смысл отказываться от материалистического объяснения заморской экспансии европейских держав, которое дали К. Маркс в «Капитале», Е. В. Тарле в «Очерках истории колониальной политики» [8] и др.

Другое дело, что подобное мышление, не являясь причиной имперской политики, все же объективно существует, в том числе (об этом с обеспокоенностью говорит Е. Т. Гайдар) в современной России, в «карьергардных», «фантомных» условиях (т. е. когда империи нет, но память о ней живет). Оно (мышление) может определенное влияние на политику оказывать.

Представляется, что этот социально-психологический сюжет не столь уж чужд географии. Но надо признать, что он чрезвычайно слабо проработан с научной точки зрения. Это касается, прежде всего, настроенных проимперски авторов. Возьмем хотя бы цитируемые в книге [3, с. 6] высказывания С. Белковского, А. Проханова, А. Дугина, у которых встречаются такие перлы, как «...услышать и воплотить замысел Бога», «...строительство “Новой Империи”, “царства Света”, “обители духа”».

Но едва ли лучше обстоит дело у авторов, настроенных антиимперски (и, очевидно, близких Е. Т. Гайдару). Среди последних немало тех, кто слишком явно относится к «силам, готовым эксплуатировать национальные чувства», а их просто необходимо воспринимать с поправками, в той же мере как «имперцев». Стоит вспомнить термин «оккупационный режим» у прибалтийских авторов (не выдерживающий научной экспертизы, так как подобный термин правомерен, когда имеет место не только предшествовавшая оккупация – а ее отрицать невозможно, но и носящее официально временный харак-

тер военное управление – чего, очевидно, не было). Или перенос положений, и для Прибалтики спорных, на Грузию и даже Украину, где они и вовсе неприменимы (например, утверждение, что все, кто говорит в быту не на титульном языке, суть недавние мигранты из России, этого языка не знающие).

(Из «антиимперских» публицистов выделим автора вышедшей еще до 1991 г. книги «Империя Кремля» А. Авторханова [1], на которого нам еще придется ссылаться. В отличие от подавляющего большинства нерусских авторов – а среди «антиимперцев» немало и русских, один из них Е. Т. Гайдар, но они, как правило, просто повторяют слова и аргументы националистов – А. Авторханов не представляет интересы какого-либо конкретного этноса, он именно против данной империи и как бы обобщает то, что можно найти в прибалтийской, украинской, белорусской и т. д. националистической прессе).

Для «антиимперцев» распад империи – исключительно положительное явление. Е. Т. Гайдар, в отличие от них, видит одну – но только одну – проблему (об этом подробнее ниже), связанную с расселившимися по империи представителями имперского этноса. Но совершенно не замечает других: проблемы прав человека на свободное передвижение и пользование родным языком, проблемы единой культуры, наконец, того, что представители других этносов тоже участвовали в миграциях и пользовались иными благами единого пространства.

Впрочем, сами слова «настроенные проимперски», «настроенные антиимперски» уже свидетельствуют о ненаучности: у ученого политизированных настроений быть не должно. Или могут быть свои убеждения, влияющие на научные взгляды? Видимо, все же могут. Давайте договоримся: в гуманитарных науках есть одна ценность (политическая, если хотите), которая отделяет ученого от неученого, человека от нечеловека – это права человека. Там, где появляются якобы более важные ценности, будь то «Царство Света» или «Священная независимость» – это уже по ту сторону и науки, и простой человечности. А по эту сторону – по возможности беспристрастные аргументация и выводы.

Уверен, Е. Т. Гайдар с этим согласился бы.

3. Немного о личном

Здесь необходимо оговориться. Автор этих строк – живой человек, и, естественно, он не лишен эмоций. Как и Е. Т. Гайдар. Последний упоминает, что он был одним из тех, кто готовили Беловежское соглашение. Этим, разумеется, во многом определяется его позиция.

Автор же этих строк в свое время делал, хотя и безуспешно, все возможное – в меру своих достаточно скромных сил, чтобы распад Советского Союза не состоялся. Причем мотивы его были отнюдь не теми, о которых говорит Е. Т. Гайдар и многие другие антиимперские авторы, с которыми в основных политических взглядах я вполне солидарен. И далеко не те, что у А. Проханова и А. Дугина.

Во-первых, именно с либеральных, демократических позиций я считаю, что любые затруднения при передвижении из пункта А в пункт Б – визовые,

таможенные, регистрационные и т. п., там где ранее этих затруднений не было – направлены против прав человека и нежелательны; и то же самое относится к ситуации, когда вместо равноправного использования двух или более языков, при многоязычии населения, происходит переход к официальному одноязычию. А именно это несет в первую очередь распад СССР и Югославии.

Эти соображения я считаю гораздо, несопоставимо более важными, чем субъективное желание тех или иных людей жить в великой державе или же, наоборот, «быть свободными».

Во-вторых, меня очень волнует вопрос, которого Е. Т. Гайдар вообще не касается, которого ухитряются не замечать вообще все говорящие о распаде империи – о судьбах единой культуры, которая сформировалась в Советском Союзе.

Да разве культура не важнее всего, исключая только права человека! Да кому нужны эти 15 совершенно независимых и территориально целостных обрубков, если ни в одном из них уже никогда не будет снят новый «Мимино», никогда не появятся новые Тарапунька и Штепсель, никогда не переедет в Москву или Ленинград новый Райкин из Риги, новый Жванецкий из Одессы, новый Андроников из Тбилиси, новый Магомаев из Баку, новый Кобзон из Днепропетровска, никогда не исполнит партию Мистера Икса в новом фильме новый Георг Отс, не споют русские песни новые Лайма Вайкуле, София Ротару, Вахтанг Кикабидзе, Роза Рымбаева, Азиза, «Ялла», никогда не выйдет на поле сборная по баскетболу, где новые Белов, Саканделидзе, Едешко, Жармухамедов, Паулаускас вырвут олимпийскую победу у самих американцев! Экономика экономикой, но надо же и об этом помнить!

Впрочем, об этом еще пойдет речь ниже.

В-третьих, моя личная биография такова, что моя родина – Днепропетровск, а живу я в Иркутске, и тот факт, что мои родственники, друзья, могилы родителей оказались в другом государстве, для меня, как и для миллионов соотечественников, остается незаживающей раной. Вот так: лично мне совершенно не нужна власть России над Украиной, не нужна «великая страна» («обитель духа» и т. п.) и прочие фантазии, не нужно осознавать себя выше кого-то в качестве представителя великой нации, мне нужно, чтобы между Россией и Украиной не было границы, мне мешает жить не утрата имперского величия, а именно граница, и таких людей миллионы, а наши «антиимперцы» их в упор не видят.

В-четвертых, именно в силу особенностей биографии мой взгляд более объективен, чем у чисто российских «имперцев» и «антиимперцев». Я вижу не только то, что России, любому ее жителю больше не принадлежат курорты Крыма, соборы Риги, дворцы Самарканда, озеро Севан – факт, который выводит из себя «имперцев» и который «антиимперцы» призывают принять как должное. Я вижу, что моей Украине – а равно Грузии, Латвии, Таджикистану, любому их жителю – больше не принадлежат Большой театр, Байкал, МГУ, Сочи, Эрмитаж. Далее вопрос личной системы ценностей – что важнее: эти потери или же субъективные приобретения вроде «свободы»?

И вот, потратив время и место на этот, достаточно эмоциональный кусок, я беру на себя обязательство более в этой статье воли эмоциям не давать и принимать факты такими, как они есть, даже если это противно моим эмоциям.

4. Что такое империя?

Прежде всего, понятие «империя» в литературе однозначно не определено. Отметим (Е. Т. Гайдар об этом не упоминает), что в свое время Ч. Гусейнов, Д. Драгунский и В. Цымбурский в статье с характерным названием «Империя – это люди» [4] выделили как главную черту империи подчиненность ее частей единым нормам, а в качестве примеров привели США и Швейцарию. То есть не отличают империю от федерации. Видимо, такая точка зрения все же слишком экзотична, но помнить о ее существовании стоит.

Е. Т. Гайдар приводит ряд имеющихся определений, отмечает, что все они «имеют мало общего со смыслом, который придается слову “империя” в современной России» [3, с. 8] (хотя, заметим, в современной России едва ли этому слову придается один, общий для всех авторов смысл), и предлагает (там же) свое, очень интересное: «...мощное полиэтничное государственное образование, в котором властные полномочия сосредоточены в метрополии, а демократические институты (если они существуют) – либо, по меньшей мере, избирательное право – не распространяются на всю подконтрольную ей территорию».

Очевидно, главное здесь – это представление о неравноправии метрополии и подконтрольной ей территории. Владения могут обладать достаточно развитым самоуправлением, но метрополией они однозначно не являются и однозначно ей подчинены. Вспомним, что борьба за независимость будущих Соединенных Штатов Америки началась из-за конфликта, связанного с установления метрополией неудобных для колоний экономических порядков, причем порядки эти устанавливались не только королем и его министрами, но и при участии достаточно демократического – по тем временам – института, парламента метрополии, в котором, однако, колонии не были представлены (Е. В. Тарле [8] прекрасно показал, как противостояли друг другу интересы английской и американской буржуазии, при том что именно первые отстаивались королем и парламентом).

Однако от некоторых элементов определения при обсуждении лучше отказаться.

Прежде всего – от слова «мощное». Вряд ли оно несет в себе существенные содержательные моменты. Что это значит? Крупное? Сильное? Великое? Но ведь это очень неопределенные понятия. На с. 9 говорится о «государстве мощном, доминирующем над другими народами» – разве это одно и то же? Французская колониальная империя – несомненно, мощное образование. А Франция – без колоний? Разве не мощное? Россия после «гибели империи» – мощное? Ну а Швеция, менее мощная, чем Франция? Испания? Югославия, наконец?

Не совсем ясно, что означает здесь «государственное образование». Видимо, этот термин введен, чтобы объединить межгосударственные империи вроде Британской и полиэтнические государства вроде СССР. Что их нужно объединять – никак не доказывается.

Такое объединение придумано теми самыми антиимперскими силами, которым очень важно доказать, что «все империи распались»; кстати, они очень часто и Российскую Федерацию рассматривают как «последнюю империю», откровенно желая ей той же судьбы.

Научная заслуга Е. Т. Гайдара в том, что он проводит четкое разделение между двумя типами империй: «заморскими» и теми, что он называет «территориально интегрированными империями». Однако, видя очень существенные различия, он не отказывается от объединения двух типов в одну категорию.

Та же логика заставляет отказаться и от эпитета «авторитарный» (Е. Т. Гайдар в приведенном определении его не вспоминает, но в других местах книги уделяет ему огромное внимание; на с. 21 говорится об «идеи империи – мощного, авторитарного, полиэтнического государства»). Едва ли он применим к метрополиям по крайней мере некоторых империй и по крайней мере в XX в. Больше того, столь важное представление о неравноправии метрополии и подконтрольной территории, упомянутое выше, как раз и предполагает наличие в метрополии демократических институтов.

Есть еще одно понятие, отсутствующее в определении – насильственное формирование империй, о котором говорится много в разных местах книги (а уж у А. Авторханова!). Да, насилие всегда играло важнейшую роль при формировании империй. Но не исключительную. Были еще династические браки, были приглашения на царствование, были просьбы о покровительстве против третьей силы, была мирная или полумирная колонизация земель, на первых порах без претензий на экологические ниши коренных народов, было присоединение «заодно», когда земля, заселенная каким-либо народом, отбиралась у другого государства, захватившего ее прежде, причем бывало и так, что сам народ не сопротивлялся или даже поддерживал эту акцию.

Что же остается? Полиэтничность? Очень важная характеристика, когда речь идет о Российской Империи, Советском Союзе, да и современной Российской Федерации. Но такая заметная в истории империя, как Германская, ликвидированная в 1918 г., полиэтнической не была. Она и не распадалась – от нее просто отрезали часть территории. Запомним это, нам еще придется показать, что полиэтничность – частный случай более общего явления, но не будем пока в это вникать.

Важный вывод из всего вышесказанного: общепризнанного не то что определения, но и понимания империи не существует. Совершенно не разработана теория этого понятия – политико-географическая, политологическая, геополитическая. Уже поэтому любые категорические утверждения об империях некорректны. Вместе с тем понятие существует – хотя бы на интуитивном уровне, широко используется, и, думается, в нем необходимо разбираться; теорию империи создавать необходимо.

5. Обязательно ли империям распадаться?

Теперь посмотрим, какое место в формируемом определении занимает вопрос о судьбах империй.

Если ставить целью извлечение «уроков для современной России», необходимо проанализировать не столько плоский факт распада империй, сколько опыт их преобразования. Можно, как это делает Е. Т. Гайдар, уговаривать россиян примириться с неприятной действительностью, ставя позицию британских, французских, португальских властей в пример российским, а можно искать возможности смягчения этой действительности.

Опыт заморских империй показывает, что они вовсе не обречены на развал. В частности, самая известная, Британская, отнюдь не распалась, а реформировалась и живет в форме Содружества (Commonwealth). Не будем анализировать, какова сущность отношений в этом Содружестве. Отметим лишь, что они существуют, что существует само Содружество, видимо, к выгоде его членов, и что никто не рассматривает его как «цивилизованную форму развода»: за несколько десятилетий развод можно было бы и завершить, и, кстати, некоторые бывшие колонии этой возможностью воспользовались, но большинство к этому не стремится.

Подобная общность сложилась и на месте бывшей (бывшей ли?) Французской империи. Но здесь встречается и иная форма преобразования: некоторые бывшие колонии стали «заморскими департаментами», на которые вышеприведенное определение больше не распространяется (в частности, они представлены во французском парламенте).

Кстати, отметим, что обе метрополии и без колоний продолжают оставаться бесспорно великими державами, постоянными членами Совета Безопасности с правом вето, членами «большой восьмерки». Это важно: Е. Т. Гайдар [3, с. 8] говорит о необходимости «адаптации к утрате статуса великой державы»; очевидно, говорит безосновательно – как видим, не так уж это и необходимо.

Характерная особенность обеих империй, как и Португальской – сохранение особой роли (как правило, государственного статуса) метропольного языка в бывших колониях.

Мы обнаруживаем только одну заморскую империю, исчезнувшую практически бесследно – Нидерландскую. Но именно это, очевидно, исключение, а разбираться в нем глубже здесь едва ли имеет смысл.

Опыт и Содружества, и особенно ЕС убеждает: миновало время насилия, но не миновала потребность народов и государств в интеграции, не исчезла и сформированная в ходе имперского бытия культурная общность.

А вот еще один аспект. Е. Т. Гайдар утверждает [3, с. 41]: «Заморскую империю, созданную при помощи канонерок, можно покинуть». Совершенно справедливо, если только уточнить: не империю (метрополия – тоже часть империи), а зависимые части империи.

Далее говорится: «Остаются проблемы с переселенцами, которых приходится репатриировать, но они затрагивают узкую группу населения». Име-

ется в виду (и подтверждается цифрами), что доля возвращающихся в население метрополий невелика, и для метрополии не так уж трудно их устроить.

Но не обращается внимание на другую сторону проблемы: многие переселенцы являются жителями колоний не в одном поколении, они не собираются «репатрироваться» в страны, где никогда не жили. Применительно к США или Канаде, Бразилии или Мексике никому и не приходит в голову так ставить вопрос: там в свое время именно переселенцам, а не туземцам, предоставлялась независимость от метрополии. Но проблема реальна для колоний, где потомки переселенцев, хотя и многочисленны и не собираются эмигрировать, составляют меньшинство по сравнению с титульными народами. Здесь это проблема прав меньшинства, законно живущего на данной территории, но иногда после получения независимости притесняемого (пример вне Советского Союза – Зимбабве).

Обречены ли на развал территориально интегрированные империи? Говорится, что «Россия – уникальное государство, сумевшее в 1918–1922 гг. восстановить рухнувшую империю» [3, с. 46]; на с. 9 приводится несколько иная датировка тех же событий: 1917–1921 гг. Насколько это точно, мы поговорим ниже. Но ведь столь же уникальна распавшаяся Австро-Венгрия (поскольку таких империй фактически было всего две).

Кстати, автор этих строк в свое время показал важную черту этой уникальности: после распада Австро-Венгрии практически не наблюдалось «постимперской ностальгии»; отмеченные Е. Т. Гайдаром проблемы, связанные с движениями этнических немцев в постимперских государствах – прежде всего в Чехии, никак не ориентировались на Австрию – только на Германию. Была высказана [9] идеалистическая гипотеза: Австро-Венгрия отличалась от всех империй всех типов и всех времен – начиная с Македонской – тем, что не несла покоряемым народам (наряду с насилием и угнетением) никакой позитивной идеи; в качестве империи немецкой нации она попросту дублировала Германию, и после ее распада жалеть оказалось не о чем.

При этом для Австро-Венгрии Е. Т. Гайдар очень робко, едва заметно, но все же упоминает о несостоявшихся, но имевших место альтернативах: либо национальной унификации, как в Англии и Франции (добавим – и в Германии, успешно ассимилировавшей славянские народы), что он считает в данном случае нереализуемой стратегией из-за слишком больших языковых различий [3, с. 40]; либо федерализации по национальному признаку [3, с. 29, 41], «трансформации в федерацию» [3, с. 43]. Запомним последнее.

6. Так называемое «восстановление империи»

Итак, «Россия – уникальное государство, сумевшее... восстановить рухнувшую империю».

Вот как о том же говорит упоминавшийся А. Авторханов [1, с. 27]: «Нерусские народы... начали в 1918 г. объявлять один за другим о своем выходе из состава России и образовании независимых государств. Такие независимые государства создали Украина, Белоруссия, Литва, Латвия, Эстония, Туркестан, Татаро-Башкирия, Северный Кавказ, Грузия, Армения, Азербайджан

(строчкой ниже в том же контексте упоминается и Крым. – А. Я.). Все они впоследствии, одни раньше, другие позже, были покорены».

Из подобного представления в современной русской антиимперской публицистике вырастают такие, например, перлы: «Я рада, что пришла к ним (жителям 14 новонезависимых государств. – А. Я.) не с вострой саблей, не с конницей Будённого, не с революционным паром Фрунзе и не на танках Тухачевского – а как друг» [5]. То есть, видимо, именно перечисленные деятели создали империю, а не Иван Грозный, Ермак, Суворов, Ермолов, Паскевич, Барятинский, Перовский, Кауфман, Скобелев!

На самом деле уже само представление о распаде Российской Империи – вопрос спорный.

Говоря о «восстановлении» империи, Е. Т. Гайдар признает, что речь идет о «иных..., почти неузнаваемых формах..., которые-то и слово “восстановление” строгого исследователя заставят взять в кавычки» [3, с. 9]. Bravo! Но следующая же фраза, в том же абзаце: «СССР возник в результате братоубийственной войны, невиданного в истории террора и гибели миллионов людей». Здесь несколько смущают эпитеты: выдвигала история террор и похлеще, да и слово «братоубийственная» слишком эмоционально для «строгого исследователя». Но дело не в этом. Если эпитеты отбросить, цена установления власти большевиков определена приблизительно верно.

Но из приведенной формулировки напрашивается парадоксальный вывод. Получается, что кто-то развалил империю, а большевики развернули братоубийственную войну, чтобы ее возродить. Такого до сих пор от самых ярких антикоммунистов слышать не приходилось.

Видеть во всем перечисленном цену восстановления империи, т. е. удержания Азербайджана, Белоруссии, Украины и др. – значит мыслить, как Говорящая Щука из «Суеты вокруг дивана» Стругацких, которая рассказывала, как в Золотую Рыбку пустили глубинную бомбу и заодно потопили случившуюся рядом подводную лодку. Или как президент Латвии Вике-Фрейберга, утверждавшая, что 9 мая ветераны вспоминают, как они завоевывали Ригу.

Правда, Е. Т. Гайдар, похоже, не очень-то различает территориальный распад государства и крушение государственного строя. Между тем, в Германии имело место второе без первого (некоторые территориальные потери не в счет), а вот как в России – надо разобраться.

Действительно, некоторые части от нее отделились (Финляндия, Польша, Прибалтика, Бессарабия). Но они и впоследствии (после 1922 г. и создания СССР) остались вне Советского Союза (некоторые – до 1940 г.), что не мешает и Е. Т. Гайдару, и большинству исследователей, включая и автора этих строк, да и простым людям географически отождествлять Союз 1922 г. с дореволюционной Россией.

(Вообще правомерность подобного отождествления, т. е. территориальной идентичности – на самом деле серьезная методологическая проблема, которая относится к числу фундаментальных и в общем виде пока не решенных теоретико-географических проблем. Очевидно, например: Россия до

1904 г. и после 1905 (после потери Южного Сахалина) – одно и то же географическое образование. А Россия Александра I (без Средней Азии, без части Северного Кавказа) – то же? А Советский Союз в границах 1922 г.? На интуитивном уровне кажется, что да, но проблема строгого обоснования остается).

Но большая часть страны тогда отнюдь не распалась; эта часть, включающая и Украину, и Белоруссию, и Сибирь, и Северный Кавказ, и Среднюю Азию с Казахстаном (а какое-то время также Прибалтику и часть Азербайджана), стала ареной войны между красными и белыми, причем те и другие, хотя и с разных позиций, рассматривали эту территорию как единое целое и боролись за установление на ней своей власти и своих порядков. Именно борьба между красными и белыми составила основное содержание событий 1917–1922 гг. (такая датировка кажется наиболее правильной). Именно это названо Гражданской войной. Именно в ходе ее имел место тот самый террор, причем с обеих сторон, и гибли те самые миллионы.

На данной территории в эти годы то и дело возникали различные правительства, в том числе и национальные (но далеко не только – в неразберихе действовал принцип «кто смел, тот и съел»; разумеется, и национальные создавались не народами, как полагает А. Авторханов, а просто более крупномасштабными и иногда искренне идейными приверженцами того же принципа). Но ни одно из них, даже самое мощное – правительство Петлюры на Украине, ни дня не существовало в мало-мальски стабильных и хоть кем-то признанных границах, а двумя основными силами все они рассматривались как помехи, отвлекающие от главного дела – борьбы друг против друга.

Правда, были еще республики Закавказья. После ухода турецких войск в 1918 г. они на целых два года стали вполне независимыми, и лишь потом были захвачены Красной Армией (никаких сомнений – точно так же поступили бы белые, если бы им удалось победить; собственно, они этого и не скрывали) и в итоге включены в состав Советского Союза. Вот применительно к ним тезис о распаде и восстановлении более или менее обоснован – если приравнивать факт обретения независимости именно этими республиками к распаду империи.

Гораздо важнее, однако, сущностная разница между Российской Империей и Советским Союзом. Разница, похоже, опровергающая тезис о возрождении.

Эта разница видна уже в названии: не только существительные разные – не империя, а союз, но и прилагательные. Советский Союз – это не Россия, а союз республик. По Конституции – равноправных.

Итак, был ли Советский Союз тем же, что Российская Империя, по существу? Иначе говоря – для закавказских республик означало ли завоевание Красной армией, что порядки там будут теми же, что до 1917 г.?

В определенном смысле – да. Как до 1917 не были они независимыми государствами, субъектами международного права, так и после 1922. Но есть и отличия, и отрицать их, не замечать – попросту непорядочно.

В Российской Империи «Грузия», «Армения», «Азербайджан», как и «Украина», «Белоруссия» существовали в лучшем случае в качестве не вполне

не определенных географических понятий (как сейчас «Сибирь», «Поволжье», «Донбасс»). Без какого-либо статуса, без официальных границ, без столицы, без каких бы то ни было органов управления, без своих законов. Без флага, герба и гимна. Что важнее всего – без прав для национального языка и культуры: государственные органы признавали только русский, высшее образование можно было получить только на русском и т. д., а об обязательном изучении этих языков в русской школе и близко не могло идти речи. Без национальных академий наук и многого, многого другого.

Кстати, белые стремились именно к реставрации такого порядка.

Но было ли так после 1922 г.? Ответ очевиден. Но не всем.

Вспоминается еще одно высказывание, по несколько иному, но близкому поводу, А. Авторханова. Цитируя вполне логичные, на наш взгляд, слова секретаря ЦК КПСС Е. К. Лигачёва «Отказ от добровольности при выборе родителями языка обучения детей привел бы к нарушению демократических принципов...», Авторханов комментирует это так: «Если следовать логике Лигачёва, цари и их идеологи были большими “демократами”, ибо при них не надо было изучать родной язык даже добровольно» [1, с. 178].

То есть никакой разницы: добровольный выбор родителями языка обучения или запрет на изучение родного языка. Что ж, это тоже логика: если не в точности так, до мелочей, как мы хотим, то какая разница – почти так или совсем не так, принципиально не так.

Но если применять обычную, не националистическую логику, то получается, что большевики отнюдь не восстановили Российскую империю. Много изменив в социальных, экономических, политических отношениях, они и в плане национально-территориальном создали на этом же пространстве нечто принципиально новое. Что же именно?

7. Империя или федерация? – с одной стороны

Для Е. Т. Гайдара очевидно, что СССР был империей. Так ли, нет – этот вопрос даже не обсуждается. Тот же Авторханов или кто-нибудь из прибалтийских политиков даже удивился бы, что это можно ставить под сомнение.

Но, на беду, Е. Т. Гайдар – ученый. И в рамках заданной «антиимперцами» идеологии ему удержаться трудно. С одной стороны, он как бы исходит из тех же утверждений, но с другой – не может ограничиться повторением заклинаний, ему нужно научное определение. И он его дает – см. выше.

И тут-то и происходит неожиданное – для Е. Т. Гайдара. Кому-то неизбежно приходит в голову сопоставить его определение империи с тем, что известно о Советском Союзе. Очевидно, вопрос должен формулироваться так: действительно ли в СССР были «властные полномочия сосредоточены в метрополии» – т. е. в РСФСР? Действительно ли избирательное или какие-то другие права «не распространялись на всю подконтрольную ей (метрополии. – А. Я.) территорию», т. е. имелись некие права или возможности, которыми пользовались граждане РСФСР и не пользовались граждане остальных 14 республик?

Отвечать на этот вопрос не так просто, как кажется. Шла бы речь, например, о Франции, мы проанализировали бы Конституцию, законы. А Советский Союз числился по Конституции именно союзом, т. е. федеративным государством. А РСФСР и, скажем, Молдавия – его равноправными субъектами.

В каждой республике было аналогичное друг другу устройство: Верховный Совет, правительство, суд, законодательство и т. д. Об этом уже говорилось выше – в негативной форме. Статус национальных языков определялся не Конституцией, но республиканскими законами, и нетрудно было убедиться в официальном двуязычии.

А на общесоюзных деньгах (и в ряде других случаев) надписи давались на всех 15 языках.

А в Москве имелся Верховный Совет СССР, двухпалатный, как и полагается парламенту федеративного государства: в одной палате заседает равное количество представителей от каждой республики, большой и малой; в другой – представители населения всей страны, избранные по пропорциональному признаку.

Как в США, как в ФРГ, как в Индии или Бразилии. А вовсе не как в Британской или Французской империях.

«Непростота» заключается в том, что, Советский Союз не был демократическим, правовым государством, и не все прописанное в Конституции реализовывалось на самом деле. Однако система управления, какая-никакая, фактически существовала, ее можно анализировать.

Очевидно: в годы тоталитаризма избирательное право было правом проголосовать за выдвинутого сверху кандидата. Властные полномочия были сосредоточены в центре, но нет никаких оснований утверждать, что в России (российский город Иркутск, например, к этому не имел никакого отношения, больше того, можно утверждать, что в Иркутске этих полномочий было намного меньше, чем в Ташкенте или Таллине).

Реальная система подбора кадров (сверху) существовала. И предусматривала как раз представительство республик.

Орган, принимающий реальные решения – Политбюро ЦК КПСС – формировался из представителей разных республик, правда, не всех. При этом представительство могло быть двояким: в Политбюро входили как руководители некоторых республик, так и выходцы из этих республик, занявшие видный пост в Москве. Первые из них входили туда по должности и представляли свои республики и формально, и фактически, вторые очень часто фактически (вспомним пресловутую передачу Крыма Украине Хрущёвым, «днепропетровский» кадровый период при Брежневе, подобный же «грузинский» период в более узкой сфере – госбезопасности – при Берии). Другие республики были обязательно представлены в не столь высоких органах – ЦК, Совете министров и др.

Е. Т. Гайдар, желая подчеркнуть имперский характер и преемственность царской России и СССР, приводит имена двух грузин, достигших высокого

положения в «империи», якобы одной и той же, – Багратиона и Джугашвили-Сталина [3, с. 5], видя в этом одновременно специфику России – СССР по сравнению с другими империями и все же исключение из правил. Здесь ему изменяет научная добросовестность и корректность. Во-первых, значение этих двух деятелей в государстве соответствующего времени несопоставимо. Во-вторых, рядом с всемогущим диктатором в его время стоят руководитель тяжелой промышленности Орджоникидзе, руководитель системы госбезопасности и внутренних дел Берия, позже, уже без Сталина – министр иностранных дел Шеварднадзе, не говоря уже о чуть более низких постах. И это только грузины.

Украина в разные годы дала Советскому Союзу двух генсеков (здесь использованы единообразные названия должностей; каждый деятель учтен один раз, по своей высшей должности) – Хрущёва и Брежнева, председателя парламента Подгорного, премьер-министра Тихонова, первого заместителя премьер-министра Чубаря, четырех министров обороны – Ворошилова, Тимошенко, Малиновского и Гречко, председателей КГБ Семичастного и Чебрикова, секретарей ЦК Кириченко, Кириленко и Ивашко, а также шестерых первых руководителей республики в ранге членов и кандидатов в члены Политбюро (Петровский, Косиор, Коротченко, Шелест, Щербицкий, Кравчук).

Не столь щедро, но были представлены на высших этажах власти Белоруссия, Молдавия, Латвия, Азербайджан, Армения, Казахстан, Узбекистан.

Не очень подходит под определение Е. Т. Гайдара?

И кстати, ведь не все годы советской власти были годами тоталитаризма. Уже в 1989 г. прошли вполне демократические выборы в высший законодательный орган страны. Кто-нибудь посмеет сказать, что 14 «колониальных владений империи» там были не представлены? Верховные Советы республик, принимавшие законы о языках, о республиканском хозрасчете и т. п., были избраны по советским законам, как только этим законам дали работать.

Да и в худшие годы федеративная система никогда не оставалась только на бумаге. В уголовном законодательстве, в системе образования, в ряде других аспектов республики оставались независимыми друг от друга. Да, был приоритет общесоюзных законов, были некие общеобязательные принципы, а разве в США это не так?

Заметим, что ни один антиимперский деятель после 1991 г. не сказал прямо: мол, несмотря на то, что по Конституции СССР был федерацией, фактически это была империя. Нет, о федерации стараются не упоминать – в том числе и ретроспективно (имперский характер СССР – некая аксиома). Если вот так сказать, то неумолимо напрашивается вопрос: а почему бы вместо дорогостоящих и зачастую бесчеловечных ломок существующего порядка не попробовать просто восстановить конституционную систему? (В советское время о Конституции и ленинских принципах национальной политики вспоминали – пока это было выгодно).

Итак, Советский Союз был не империей, а федеративным полиэтническим государством (хотя, как мы покажем ниже, с некоторыми, сохранившими

мися в качестве пережитка, признаками империи). Другими словами, если признать его наследником Российской Империи, то придется согласиться, что этой империи хотя бы отчасти удалось то, что не удалось Австро-Венгрии.

Но это – с одной стороны...

Окончание статьи в следующем номере журнала.

1. *Авторханов А.* Империя Кремля. Советский тип колониализма / А. Авторханов. – Вильнюс : АО Моск. объединение избирателей и фирма INPA, 1990.
1. *Avtorkhanov A.* The Kremlin Empire. The Soviet type of colonialism / A. Avtorkhanov. – Vilnius : Cooperative Association of Moscow constituency and company INPA, 1990.
2. *Алаев Э. Б.* Социально-экономическая география. Понятийно-терминологический словарь / Э. Б. Алаев. – М. : Мысль, 1983.
2. *Alayev E. B.* Socio-economic geography. Conceptual-terminological dictionary / E. B. Alayev. – M. : Mysl, 1983.
3. *Гайдар Е. Т.* Гибель империи / Е. Т. Гайдар. – М. : РОССПЭН, 2006.
3. *Gaidar E. T.* The Empire wreckage / E. T. Gaidar. – M. : ROSSPEN, 2006.
4. *Гусейнов Ч.* Империя – это люди / Ч. Гусейнов, Д. Драгунский, В. Цымбурский // Век XX и мир. – 1990. – № 8.
4. *Gusseinov Ch.* The Empire is people / Ch. Gusseinov, D. Dragunskiy, V. Tsymburskiy // Century XX and the world. – 1990. – N 8.
5. *Ивлева В.* СССР. Всем спасибо. Все свободны // Новая газ. – 2007. – 16 июля.
5. *Ivleva V.* USSR. Thanks to everyone. Everyone is free // New journal. – 2007. – July 16.
6. *Пробст А. Е.* Размещение социалистической промышленности / А. Е. Пробст. – М. : Экономиздат, 1962.
6. *Probst A. E.* Social industry placement / A. E. Probst. – M. : Ekonomizdat, 1962.
7. *Солженицын А.* Как нам обустроить Россию // Комс. правда. – 1990. – 18 сент.
7. *Solzhenitsyn A.* The way to develop Russia // Koms. truth. – 1990. – 18 September.
8. *Тарле Е. В.* Очерки истории колониальной политики западноевропейских государств (конец XV – начало XIX в.) / Е. В. Тарле. – М. ; Л. : Наука, 1965.
8. *Tarle E. V.* The outlines of history of West-European states politics (ending of XV – beginning of XIX c.) / E. V. Tarle. – M. ; L. : Science, 1965.
9. *Якобсон А. Я.* Империя как экономико-географический, историко-геополитический и этнокультурно-экологический феномен // Вестн. ИРГТУ. – 1997. – № 2.
9. *Yakobson A. Ya.* The Empire as an economical-geographical, historical-geopolitical and ethnocultural-ecological phenomenon // The News of ISPU. – 1997. – N 2.
10. *Якобсон А. Я.* Информационно-географические аспекты современных территориальных изменений: методологические подходы // Природно-ресурсный потенциал Азиатской России и сопредельных стран: геоэкономическое, геоэкологическое и геополитическое районирование. – Иркутск, 2004.
10. *Yakobson A. Ya.* Informational-geographical aspects of contemporary changes: methodological approaches // Natural resources potential of Asian Ruuaia and neighbouring countries: geo-economics, geo-ecological and geopolitical regionalization. – Irkutsk, 2004.

Geographer Reflections on «the Empire Wreckage». Part I

A. Ya. Jakobson

Irkutsk State University of means of communication, Irkutsk

The article is written in form of the discussion with Yegor Gaidar and his book "the Empire wreckage". The geographical analysis, using the criteria introduced by Gaidar, brings us to the conclusion that Soviet Union, having some characteristics of an Empire, wasn't in any way a formation similar to the Austrian, British, French and other Empires. It had a lot more in common with such multiethnic though integral states as Yugoslavia and the actual one – Great Britain.

Key words: Empire, Soviet Union, separatism, political-geographical formation, comparative analysis, metropolitan country, multiethnicity, emergentness, federation.

Якобсон Анатолий Яковлевич – доктор географических наук, профессор, зав. кафедрой менеджмента Иркутского государственного университета путей сообщения, e-mail: yakobson_ay@irgups.ru

Yakobson Anatoliy Yakovlevich – Doctor of Geographical Science, Professor, the Head of the Management Department, the Irkutsk State University of means of communication, e-mail: yakobson_ay@irgups.ru